

ПОЭТИЧЕСКАЯ ДУША

7 мая 1917 г. по указу австрийского императора Карла I все заключенные австрийских концлагерей Талергофа, Терезина, Оберллабрунн были отпущены домой. Император так объяснил свое решение: "Все арестованные русские не виноваты, но были арестованы, чтобы не стать ими."

Небольшой экскурс в прошлое: 1 августа 1914 г. Россия вступила в I Мировую Войну. И сразу же в австрийской Галичине по распоряжению властей начали арестовывать русских подданных империи, которых на то время насчитывалось более четырех миллионов. Чтобы русские Австрии не стали виновными, их вешали и расстреливали прямо на улицах, массово арестовывали по ложным (иных и не было) доносам или малейшим подозрениям. Именно для русских были открыты первые в Европе концентрационные лагеря на территории Австро-Венгрии. В этих лагерях и тюрьмах невинных русских морили голодом, холодом, болезнями. В общей сложности за неполные три года через лагеря и тюрьмы прошло более 100 тысяч русских Галичины, Буковины, Закарпатья: крестьяне, интеллигенция, студенты, учащиеся школ, священники, писатели, общественные деятели. Даже дети.

Содержание безвинных заключенных было неимоверно чудовищно и жестоко: пытки, безпричинные расстрелы, голод, холод, вши, эпидемии, болезни, постоянные издевательства тупых охранников.

Про убийц, кабинетных и на местах, нельзя сказать: не ведали, что творили, а посему подлежат прощению. Нет, очень даже ведали: этноцид русских в Австро-Венгрии не был одномоментной ошибкой, как, скажем, стихийный взрыв ненависти и безумия. Это была даже не война против гражданского населения, худо-бедно, но вооруженного чем попало.

Это была продуманная и долгосрочная (некоторые считают, что и запланированная) акция физического уничтожения этнических русских - этноцид. Все ведали черные силы. И за преступления свои черные силы не ответили ни перед кем. Скорбь Талергофа влилась в Мировой Океан Скорби...

Освобожденные вышли с подорванным здоровьем, душевно и физически надломленные, многие вскоре умирали.

Одним из таких людей был богатый одаренный Природой общественный деятель Галичины, поэт и писатель Николай Павлович Глебовицкий (1876-1918). Он родился в селе Черемхи Коломыйского уезда (Буковина). Учился в начальных и средних школах Черновиц и Коломы. Блестяще закончил юридический факультет Университета Вены, получив степень Доктора прав, владел несколькими языками, включая галицко-русское наречие, блестяще знал русский литературный язык.

В 1907 г. Николай Глебовицкий был избран депутатом в австрийский парламент и стал достаточно популярным политическим и общественным деятелем. Основную задачу депутата он видел и активно пытался осуществлять, защищая интересы коренного населения - русских галицких крестьян, которые вопреки зафиксированным на бумаге своим правам пользоваться ими не могли,

ибо права эти в жизни не соблюдались властью предрержащими. Русских школ в Галичине не было вовсе, и Глебовицкий многократно настаивал на открытии школ для неграмотного русского населения, постоянно выступая в защиту права населения пользоваться родным русским языком. Станным нам сегодня кажется, что за подобное право, данное самой Природой, надо бороться. Но было надо.

Неслыханным по смелости поступком Николая Глебовицкого явилось однажды его выступление в австрийском парламенте на русском языке. Как можно!

Но не только общественной и политической деятельностью в защиту своих русских соплеменников прославился народный галицкий депутат австрийского парламента Николай Глебовицкий. Он оставил нам достаточно богатое литературное наследие свое: рассказы, стихи, очерки.

Многие его рассказы сотканы из тончайшего кружева слов, вызывающих такие же тончайшие чувства, тончайшие красоты и воздушности. При их прочтении теряется ощущение земного притяжения, полет к звездам кажется реальным ("Жизни и моря волны", "В одну из майских ночей"). Даже рассказ-биография Антония Петрушевича, выдающегося ученого, члена Русской Академии Наук, написан не в формальной фактографической манере, а тем же ажурным изящным слогом, вознося ученого в небожители, присланного нам в светлую радость, надземную, эфирную, возвышенную. Подобный стиль может показаться несколько романтически наивным, как новогоднее пожелание, но воспевание красоты всегда романтично, и воспеваются идеалистами.

Творчество Глебовицкого не лишено и сурового драматизма. К примеру, его рассказ "Из-за земли", в котором печальные события описаны очень приземленно, вполне оправдывая название. Жизненная нужда доводит героев до преступления, толкает за ту черту, где теряется человеческое достоинство. Виноватые есть, но одновременно и нет. Есть безчеловечные, как бы потусторонние обстоятельства, при которых человек проигрывает, а потому как бы и не виноват. И неважно, что писатель верит в торжество справедливости, жизнь лишает его этой веры, о чем прекрасно сказал сам Глебовицкий: "Как бы ни хотел писатель преподнести своим землякам чудный венок, сплетенный из душистых роз, но каждый раз из него пробиваются наверх колючие шипы; а земляки, не вдохнув благоухания роз, ранят свои руки и сердца их шипами и остаются недовольными писателем. Но поймите же, поймите, что трудно петь песню веселия, когда пред вами предстает ваша несчастная родина в серой сермяге, ободранная, поруганная, истощенная. Бывают минуты, почувствуется такой прилив хорошего, блаженного чувства, и хотелось бы спеть восторженный гимн, а тут вдруг начнут дразнить слух фальшивые, грубые звуки безжалостной действительности, и против желания торжественные аккорды сменяются грустным завыванием и слезами."

Отметим в заключение: в 1905 и 1906 г. вышли две книги Николая Глебовицкого: "Рассказы и очерки" и "Этюды и очерки". Множество его стихов и рассказов печатались в различных периодических изданиях Львова, например, в газете "Галичанин".

На Родину Николай Павлович вернулся после концлагеря, где пробыл с августа 1914 г., разбитым душевно и физически. Скончался от грудной болезни, поразившей его в заключении, 18 ноября 1918 г. в окружении красоты родных гор...

x x x

Предлагаем нашим читателям статью Николая Глебовицкого с небольшими сокращениями, разбивка самого автора, как и написание некоторых слов, а также рассказ.

Наталья ГАТТАС

Н.В. ГОГОЛЬ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО

Одна священная дрожь, молитвенное благоговение охватывает все наше существо, когда только вслушаемся в сарказм этого гениального сатирика, сменяющийся горячими лирическими страницами; когда хорошенько присмотримся к ярким и блистательным краскам малороссийского утра, милым вечерам на хуторе близ Диканьки; когда наш слух поразит тот страшный, горький смех, смех сквозь слезы! Трагизм, непонятный обыкновенному смертному трагизм, составляет всю суть многострадальной жизни Гоголя, трагизм, явившийся отпечатком трагизма в жизни всей великой необъятной Руси.

Для нас, сынов Прикарпатской Руси, живущей иной политической жизнью, гигантская личность родного земляка малоросса, Н.В. Гоголя, имеет громаднейшее национально-культурное значение. Гоголь является для нас живым, как живое слово литературной речи, чистым, как чистая слеза любящего брата, неопровержимым, как скала, вечным, как величественный памятник гениального творчества, доказательством неоспоримой правды, сути и содержания нашего народного идеала: *национального единства всех ветвей одного русского народа!* Любя всей пламенной любовью чистой души родную Малороссию, полную изумительной красоты, он своими красноречивыми устами провозгласил могучий глагол *духовного слияния* Украины с остальной Русью и воздвиг своей ближайшей родине, Малороссии, достойный памятник на русском литературном языке! Любя всю свою великой, изстрадавшейся душой родную Малороссию, с ее светлым небом, с ее мягким климатом, с ее благословенной землей, с ее тихими уральскими вечерами, с ее поэзией, песней и думой, с "ее садком вишневым коло хаты", Гоголь той же пламенной любовью обнял родную Великороссию с ее холодным умом, с ее стремлением к созиданию и культурному творчеству, с ее государственностью. В 1844 году пишет Н.В. Гоголь А.О. Смирновой: "Я сам не знаю, какая у меня душа: хохляцкая или русская; знаю только, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом и, как хорошо, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой - явный знак, что *они должны пополнять одна другую*. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им, непознанные воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, *составить собою нечто совершеннейшее в человечестве*."

В этих словах и есть завет величайшего и лучшего сына Малороссии, Гоголя, указывающий единственный, правильный путь и верное направление всего *национального* духовного развития малороссийской ветви. Следуя по указанному Гоголем пути, малороссы - все равно, живут ли они в Державной Руси или же в Руси Прикарпатской - создадут прочные основания национально-культурному развитию родной страны и родного даровитого народа и слившись воедино с трезвым, создающим умом прилежного, стойкого

великоросса, "составят собою нечто совершеннейшее в человечестве", или же в противном случае, станут блуждать по темным тропам народного отщепенства, сепаратизма и мазепинства, задохнутся в удушливой атмосфере узко-партийного шовинизма и увянут от недостатка тепла и света правдивой культуры, от скудости культурных источников; увянут в тесном кругу закоружлой кружковщины, замкнутости и узко-партийного сектантства.

В минуты душевных мук, в минуты сомнений являлся для Тургенева опорой могучий и прекрасный русский язык, данный только великому народу. В минуты испытаний, в минуты сомнений, в минуту тяжелых преследований, горечи и мук да будет для нас опорой великий сын Малороссии Гоголь, вечно живое доказательство неоспоримой истины: *национально-культурного единства всех ветвей одного русского народа!*

Вена, 20 марта 1909 г.

НОВЫЙ ГОД

(стихотворение в прозе)

Посвящается Л-ке

То была последняя ночь старого года и канун нового: старый умирал, новый нарождался.

Увы! Холодно и неприветливо встречала его природа. Нарождался он не в мягком, ласкающем свете луны, не в блеске сияющих лучезарных звезд, а в темноте и вьюге угрюмой, непогодной ночи. И хмурое небо, точно сердясь и сетуя на него, сыпало резким летучим снегом; и жестокий ветер с воем и свистом в бурных могучих порывах носил этот снег, развеивая его повсюду с неистовой силой; то засыпал им беспощадно позднего путника, то с ревом бросался в промерзшие окна жилищ; то сметал весь снег с холодной и твердой, как камень земли, то вдруг насыпал высокий сугроб...

И грозен же был этот вой нового года ветра! Казалось, все силы природы в тот вой уходили, казалось, в одном этом вое и вся жизнь ее и закружилась...

То было ли полное гжучей тоски сожаление о старом, больном, умирающем годе или ужас и страх перед новым, нарождающимся во тьме и мятели? То были ли скорбные прощальные отходящего старого деда или гневная встреча никому нежеланного гостя? И плакал ли ветер о том, что бесследно прошло уж, или чуял он горе и беды грядущие?

Во глубокие норы забились объятые страхом хищные звери и в гнездах укромных дрожали от страха и голода птицы. В теплом уютном углу неистово фыркала лошадь, лихорадочно ноздри свои раздувая; коровы мычали тоскливо и металась от страха совсем ошалевшие овцы.

Все живое было объято тоскою и страхом, все томилось в тревоге и смятении...

Все - кроме человека!

И ему ли, царю природы, предаваться малодушному страху? Ему ли, земли властелину, бояться? Кого? Того ли нового года, что в ту ночь при вьюге и тьме непроглядной на землю нисходит?

О, этот-то именно в метели и вьюге нарождающийся год его ободряет! Мысль о нем, надежды на него удерживают человека от воплей и стонов безысходного отчаяния.

Ведь счастье еще не погубило, жизнь еще не остановилась... Друж-

но же и смело вперед на борьбу в погоне за счастьем! Там далеко оно ярко горит звездой лучезарной. Что новый год, то ближе и ближе...

Сколько раз под гнетом бессмысленных, нелепо сцепившихся обстоятельств, человек падал на землю с надорванной от тяжких рыданий грудью! Сколько ужасных мук и страдания прошло его сердце!..

И не разорвалась грудь от горя, не истекло кровью сердце! И так же, как прежде, его наполняют желания и детски-горячая безумная вера.

Прочь прожития страданья! Прочь незащищенные слезы! Вопли и стоны - то голос бессилья, голос души малверной. Уныние и слезы - то язвы негодного к жизни сердца...

Выше же голову гордую, желающий жить человек! Смело, безстрашно взирай в ту манящую светом и радостью даль! Бодро расправь свои руки, выгни спину, горем-нуждою согбенную, и с верой гряди! Пусть песня, удалю, силой, весельем звучащая, летящая из груди твоей и кличем победным несется вперед! И все заслушается этой чудной восторженной песнью, и гладким ковром ляжет пред тобой широко, светом блестящая дорога к желанному счастью...

Чу, полночь!

Ты слышишь, как тяжело вздохнула земля? Ты слышишь, как злобно взвыл ветер? Взгляни, как бурно и гневно несется он в облаке режущей, острой, как иглы, колючия, снежной пыли! Несется с неистовым ревом, с таким оглушительным свистом и воем, что, кажется, слился в нем вопли и стоны целого ада. Вот, с силой ужасной ударил он злобно в жилище человека. Ударил и сорванный диким порывом и ставень оконный, точно стрелой сраженная птица, бессильно свалился в сугроб. Зазвенели разбитые стекла, закружились мотыльки снежной пыли, пронесся по комнате режущей струей холод...

Но ярко пылают огни. Весельем сияют счастливые лица, огнем и отвагою блещут их очи. И пенится шумно в бокалах вино; радостным бодрящим гулом полились шумные, страстные речи. И ясным виденьем чудится восторженным взором образ желанного счастья, с которым исчезнет и зло, и страданья и царство одной вечной правды наступит. И радостное, словно крик победы, и увлекательное, словно призыв к битве, гремит горячее приветствие:

С новым годом!

С новым счастьем!

И широкой раздольной и вольной разливается песня:

Дружно и смело вперед!

Прочь колебанья и страхи!

Счастье возможно и близко - нужно лишь взять его с бою; только в труде и борьбе лавры срываю герои...

К делу ж! Трудом и борьбою мы покорим и стихии!

И будто заслушавшись песней стих вдруг ветер суровый и стихла мятежная буря, как сердца тревога стихает, когда пронесется гнетущее горе и снова надежда ему улыбнется.

Умчались мрачные тучи, раскрылось звездное чистое небо, с приветливой улыбкой взглянула на землю луна, заискрились, засияли лучистая искорки-звезды по ясному небу... И вся просветлела природа, как будто сама поддалась обаянию веры в возможность и близость того счастья, о котором пела чудная, восторженная песнь человека...

Вена, 16 декабря 1898 г.